

Барон Мюнхгаузен, которого он сыграл первым, задолго до «Того самого», Сирано, которого он так и не сыграл, вопреки своей мечте, и, наконец, Дон Кихот, которого он сыграл в свои девяносто... Эту близкую ему по духу компанию культовых героев человека, по мнению Владимира Зельдина, объединяет такое качество, как умение жить в своем измерении, в собственном мире, защищенном от внешних раздражителей. «У меня нет средства, чтобы изменить мир. Есть только возможность обозначить свое к нему отношение – словом, криком, тратой душевных сил на сцене».

Возможно, в этой защищенности и заключается секрет его долголетия – не только человеческого, но и творческого. А уж во вторую очередь – здоровый образ жизни: «не пью-не курю» и спорт (водные лыжи и лыжи беговые, парашют, мотоцикл, конный спорт в разряде «ворошиловского всадника» и так далее). К слову, романтика Мюнхгаузена врач «Скорой» Григорий Горин написал специально для Владимира Зельдина. А год назад другой веселый человек, Юлий Гусман, пришел в Театр Российской армии с идеей поставить знаменитый мюзикл «Человек из Ламанчи». Про такие роли, как Мюнхгаузен или Дон Кихот, Владимир Михайлович Зельдин говорит: «Бог послал».

– Когда вы репетировали Дон Кихота, какой-то реальный человек был у вас перед глазами?

– Нет. Конкретный человек – это я. Мои взгляды и поступки во многом совпадают со взглядами Дон Кихота, этого идеалиста, который говорит, что ему важен не исход дела, а наши усилия. Мне кажется, эта пьеса вообще сейчас ко двору, когда деньги вышли на первый план, а теракты и убийства стали нормой. Может, он и не от мира сего, белая ворона, но на таких мир держится. Они не позволяют опустить нравственную планку. Как в свое время диссиденты, которые боролись против уродливых решений правительства, вроде ввода войск в Венгрию и Чехословакию. Мне легко говорить со сцены его слова, мне это близко. Я очень благодарен Юлию Гусману за эту затею предложить мне такую роль в 89 лет. Он яркая личность, в Азербайджане поставил множество спектаклей, а его команда КВН никогда не проигрывала. Я ухватился за его идею, потому что на тот момент доигрывал только «Деревья умирают стоя» с ныне покойной Ниной Сазоновой, да на Малой сцене были у меня «Приглашение в замок» и «Загнанная лошадь», а новых спектаклей у меня уже не было восемь лет. Гусман не только идею принес, но и материально помог,

привлек спонсоров и меценатов. А некоторые мои коллеги так и не поверили – отказались от работы. Возможно, у кого-то были на то веские (финансовые) причины. Во всяком случае, мы прошли через все препятствия.

– А как вы оправдываете своего героя в тот момент, когда за его прекрасноту кто-то расплачивается очень дорого – страданием, жизнью?

– А это и есть самопожертвование. Я прошел дорогами войны с концертными бригадами и видел, что такое самопожертвование у наших ребят, которые в такой мороз в окопах сидели или под танки бросались.

– Скажите, а когда Сталин в 1941 году вернул вашу съемочную группу доснимать «Свинарку и пастуха» и всем дал броню, не осталось ли у вас чувства вины перед вашим поколением?

– Нет. У меня было чувство ответственности – сыграть роль. В конце концов мы победили силой духа, а не только оружием. Я бы меньше принес пользы, если бы держал автомат. Мы снимали в две смены, во время бомбежек. Потом я, как и многие, дежурил на крышах, тушил зажигалки. Лучше было бы, если бы картину, на которую уже потратили деньги, положили на полку? А как тогда быть трудовому фронту, кото-

рый обеспечивал наших воинов необходимым?

– Ваш герой Мигель де Сервантес оказывается в мире с волчьими законами, один на один с сокамерниками, и сохраняет достоинство. У вас или ваших близких был подобный опыт?

– Нет у меня никакого опыта. Я в семье такой вырос: папа – музыкант, Московскую консерваторию окончил, мама – учительница, много детей в семье. Папа не пил, не курил, с мамой они никогда не ссорились. В нашей семье была нормальная обстановка уважения друг к другу.

На сцене он герой-любовник, для кинозрителей – пастух...

УТВЕРЖДАЕТ ВЛАДИМИР ЗЕЛЬДИН, КОТОРЫЙ РОЛЬЮ РЫЦАРЯ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА ВСТРЕЧАЕТ СВОЕ 90-ЛЕТИЕ

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦВЕТКОВОЙ

Дон Кихот – Я САМ

педагогов). Зато удостоился постановки одного из ведущих советских хореографов – павану, тарантеллу, гаюмбо, зорондо, аморозо, болеро поставил для Владимира Зельдина сам Владимир Бурмейстер. «Учитель танцев» с Владимиром Зельдиным прошел на сцене Театра Советской армии, где он прослужил всю свою жизнь, почти 2000 раз, побив все мыслимые рекорды долголетия. И режима «Учитель танцев» требовал почти балетного: в день спектакля можно поесть только утром – и все. За тридцать лет, пока Зельдин был «Учителем танцев», ему ни разу не меняли мерку для костюма. И лишь однажды на гастролях он сказался больным прямо перед «Учителем» – чтобы его преемник, Федор Чеханков, смог, наконец, принять эту эстафету.

– Вместе с актерским дипломом за вами «закрепили» амплуа лирического героя-любовника...

– Да, и я немало их сыграл – Фердинандо, Альдемаро, Транио, Люченцио, Теодора...

– Скажите, а сценический опыт хоть раз помог вам в жизни, в «неведомой науке счастья», как писал Пушкин?

– О, не знаю. К женщине я всегда испытывал уважительное поклонение. И полностью согласен с Иосифом Бродским, который однажды сказал, что женщина – это чудо природы. Или с моим Дон Кихотом, который говорит, что женщина – душа мужчины, его слава, яркий луч, озаряющий его путь. По-хорошему, надо бы, чтобы каждый день был 8 марта. Сейчас же не то, что 8 марта, – дорогу лишней раз не уступят. Я вообще этого не понимаю. Когда я расходился со своей прежней женой, я оставил ей и трехкомнатную квартиру, и дачу. Считаю, что для настоящего мужчины это нормально.

Женщины могут вполне заменить Его Величество Случай, так необходимый актеру. Так, на роль кавказца Мусаиба из «Свинарки и пастуха» Зельдина утвердили именно они. Пырьев всего лишь позвал для совета всех своих работников – гримерш, костюмерш, массовку. Именно они из всех кавказцев выбрали Зельдина, во многом определив его судьбу. А роль Мусаиба не просто молниеносно прославила актера, но и создала вокруг его имени на многие десятилетия атмосферу безмерного женского обожания.

А недавно Владимир Зельдин буквально сбежал из очень интересной работы по пьесе Мрожека «Контракт на убийство». Интеллектуальный поединок двух мужчин показался ему вдруг невыносимо скучным, потому что в нем не было женщины. Что поделаешь, Дон Кихоту обязательно нужна Дульсинея Тобосская, а иначе кому он будет посвящать свои подвиги?

Не стал он и классическим танцовщиком, о чем страстно мечтал, поступая в училище Большого театра (отец сумел отговорить